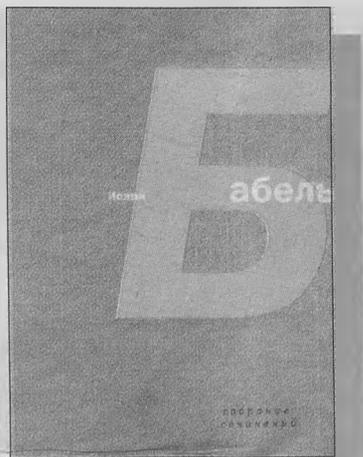

—с. 40.

сказов» и «Конармии», драгоценна тем, что чем-то дополняет единый сквозной текст писателя, который он писал всю свою жизнь. Так, например, смерть легендарного Бени Крика, воевавшего в Гражданскую на стороне красных и убитого ими же, автор описывает не в рассказе, а в киносценарии. И разве читателю не хочется знать, как это делалось в Одессе и после того.

Каждый из четырех изящных томов сделан как самостоятельная книга. Первый том — «Одесские рассказы». Их окаймляют разные тексты, вплоть до петербургских очерков 1918 года, которые Бабель печатал в антибольшевистской

технической интеллигенции 60-х. Так, Зошенко родил Бабеля, Бабель родил Ильфа и Петрова — и отечественной литературе пришлось впору эта родословная. Возможно, сегодня Бабеля можно прочитать иначе, чем раньше. Мы вроде как уже разлюбили налетчиков с Молдаванки и бандитов Семена Буденного, но еще не полюбили их заново. И можем, читая Бабеля, примириться со всей этой круговертью, где у каждого своя роль, всегда проигрешная и неприятная. Мы отстаем от жизни, которая идет не туда, потому что не хотим быть идиотами, чтобы идти следом. Конеч света уже наступил, но будем

Когда жизнь шумит тебе: «Да!»

БАБЕЛЬ СОЧИНИЛ ЧЕТЫРЕ ТОМА ПРОЗЫ, ПУБЛИЦИСТИКИ, ПИСЕМ. МЫ НАКОНЕЦ-ТО ПРОЧТЕМ ВСЕ, БЕЗ ИЗЪЯТИЙ

ЖЗЛ

Игорь ШЕВЕЛЕВ

Фразы «Маня, вы не на работе, холоднокровней, Маня...» или «Папаша, пожалуйста, выпивайте и закусывайте, пусть вас не волнует этих глупостей...» и «Забудьте на время, что на носу у вас очки, а в душе осень. Перестаньте скандалить за вашим письменным столом и заикаться на людях. Представьте себе на мгновенье, что вы скандалите на площадях и заикаетесь на бумаге», или «Вы тигр, вы лев, вы кошка. Вы можете переночевать с русской женщиной, и русская женщина останется вами довольна». И далее без остановки. Сегодня людей, умеющих говорить этими цитатами, осталось по нашу сторону российской границы меньше, чем по другую. Зато имеет смысл опять начать читать книжки, чтобы знать, «об чем думает такой папаша? Он думает об выпить хорошую стопку водки, об дать кому-нибудь по морде...» И что «есть люди, умеющие пить водку, и есть люди, не умеющие пить водку, но все же пьющие ее. И вот первые получают удовольствие от горя и от радости, а вторые страдают за всех тех, кто пьет водку, но умея пить ее».

Исаак Бабель с дочкой Лидой, страшный 1937-й

«Новой жизни» Максима Горького, своего опекуна и защитника. Недаром Бабель скажет после его смерти жене: «Теперь мне жить не дадут». Второй том — «Конармия», дополненная фронтовыми статьями, дневниками и набросками. Третий том посвящен попыткам Бабеля стать «настоящим советским писателем» после того, как уже к середине 1920-х годов напечатал почти все, чем остался знаменит в русской литературе. Этот том рассказов и очерков, сценариев и пьес как

великодушны и посчитаем, что это наш личный конец света, — и пусть он касается нас одних.

Бабель, как и Зошенко, как и Платонов, сдвигает словами людское уродство в сторону литературы, где оно кажется почти не страшным, а вечным, как сама эта литература. Ведь люди для того и придумали литературу, чтобы терпеть через нее саму жизнь. Видя жизнь через литературу, можно ей удивляться, не страдая, как обычно.

Говорит ли об этом Бабель? Он служил в ЧК и в Первой конной, он любил заглядывать в дамские сумочки своих любовниц и знакомых и просил в крематории показать ему, как будет гореть его одесский друг и поэт Эдуард Багрицкий. Он не понял своих героев, поэтом и описал их до конца в своих рассказах, и они на него обиделись, а остальные восхитились. «Не говори «нет», русский человек, когда жизнь шумит тебе «да». Бабель писал большой роман, посвященный ЧК-ОГПУ-НКВД, и тот, видимо, был прочитан самими героями, а рецензией стала пуля в голове автора.

Литература удлиняет понимание жизни и укорачивает саму жизнь. На все книги все равно не хватит грамотных. Заодно пропала и незаконченная книга рассказов о детстве. Человек живет, недоумевая, почему ему трудно дышать. А это его, оказывается, душат. Прочитав полное собрание сочинений Бабеля, вы будете знать все. «Но что пользы, если на носу у вас по-прежнему очки, а в душе осень?»

... люди для того и придумали литературу, чтобы терпеть через нее саму жизнь

В издательстве «Время» вышел четырехтомник Исаака Бабеля — самый полный на сегодняшний день. Проза, драматургия, киносценарии и публицистика писателя дополнены его перепиской, а также книгой его вдовы Антонины Пирожковой «Семь лет с Исааком Бабелем», целиком в России не публиковавшейся.

Бабель, как известно, писал мало, но он писал смачно, и хотелось, чтобы он написал что-нибудь еще. Под эти ожидания он, кстати, получил в последние десять — пятнадцать лет своей жизни столько авансов, что стал чемпионом по невыполненным обязательствам перед журналами, киностудиями, театрами и издательствами. А если серьезно, то каждая его строчка, помимо канонических «Одесских рас-

раз и демонстрирует трагедию рвущейся писательской ткани, все большего расхождения со временем, которому пытался соответствовать. Гений коротких новелл, сформулировавший, что «никакое железо не может войти в человеческое сердце так ледяще, как точка, поставленная вовремя», Бабель, как это ни парадоксально, мыслит книгами в виде законченного и единого цикла новелл. Тридцатые годы оставили только обрывки драгоценной парчи бабелевской прозы. И, наконец, четвертый том — письма Бабеля и крайне любопытный для почитателей текст мемуаров последней жены писателя.

Приморский авантюризм и бесшабашность дали яркий извод в русской литературе 20-х, чьи афоризмы накрепко прилипли к устам